

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро

Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
 Вспомни обо мне
 Красное на голубом
 Сердце химеры
 Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
 Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
 Алый шар луны
 Черника на снегу
 Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
 Шестой грех
 Меня зовут Джейн
 Звезды-свидетели
 Витамин любви
 Две линии судьбы
 Когда остановится сердце
 Призраки знают все
 Аромат желания
 За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
 Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
 Пожиратели таланта
 Черный пасодобль
 Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
 Ангел в яблоневом саду
 Из жизни жен и любовниц
 Тринадцатая гостя
 Прекрасный возраст, чтобы
 умереть
 Приговоренный к жизни
 Признания грешницы
 Дом на берегу ночи
 Ведьма с зелеными глазами
 Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
 Цветок предательства
 Мишень для темного ангела
 Грех и немножко нежно
 Если можешь – прости
 Убийство в соль минор
 Уставшая от любви
 Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
 Слезинка в янтаре
 Проклятие Клеопатры
 Сколько живут донжуаны
 Любовь насмерть
 Миллион для Коломбины
 Неаполитанская кошка
Стану рыжей и мертвой, как ты

АННА ДАНИЛОВА

МИЛЛИОН ДЛЯ КОЛОМБИНЫ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *К. Гусарева*
Редактор серии *Т. Масленникова*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Миллион для Колумбины : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-105239-3

После смерти любимой матери Надина жизнь превратилась в ад. Девушка понимает, что, как бы она ни старалась, она не сможет раздать долги, поэтому соглашается выйти замуж за старика Липкина, который обещает ее озолотить. Но на поминках девушка знакомится с Григорием, который скрывается от преследования. По его словам, он украл огромную сумму из сейфа своего работодателя, и теперь все, что ему остается, — это бежать. И если Надя хочет, то может составить ему компанию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Данилова А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-105239-3

ЧАСТЬ I

Надя

1

Его звали Семен Михайлович, фамилию его она не знала. Познакомилась с ним, когда позвонила по объявлению и он назначил ей встречу. Ломбарда в маленьком Михайловске не было, а потому золото можно было продать либо кому-то из знакомых, либо тому, кто занимался этим всерьез. Вот как раз таким человеком и оказался Семен Михайлович.

Это был мужчина лет шестидесяти, а может и больше, худой, болезненного вида, сильно сутулый, если не сказать горбатый, с носом, похожим на вязальный крючок, впалыми щеками и большими черными, на выкате, глазами. Но больше всего поразили Надю его губы, точнее, их сиреневый цвет, словно он поел черники или какой-то синей ягоды и забыл вытереть рот салфеткой.

Он принимал, конечно, не дома. Его скромная конторка размещалась в бывшем центре бытовых услуг — громадном сером здании в самом центре города, на первом этаже, рядом с комнаткой, где ремонтировали ювелирные изделия.

Взгляду посетителя сразу открывался маленький деревянный прилавок советских времен со стеклянной витриной, где на потертых замшевых плоскостях пылились тусклые золотые украшения. Скупщик даже не потрудился почистить золото, чтобы оно блестело, хотя цены на украшения были почти такими же, как и в магазине на новые золотые изделия. Все выглядело так, словно он был уверен, что и без усилий и рекламы сможет продать все то, что еще недавно составляло золотой запас какой-нибудь теперь уже обедневшей семьи или отдельно взятого человека, попавшего в долговую или просто жизненную яму. Примерно такую, в какую попала Надя Сурина, точнее Надежда Александровна Сурина, двадцати пяти лет от роду, преподаватель сольфеджио в музыкальной школе.

Она пришла в конторку первый раз еще зимой, принесла все золото, что было, — несколько колец, цепочку и подвеску в форме целующихся голубков — и получила за все три тысячи рублей. Понимала, что эти деньги не сделают погоды и что теперь вообще уже ничего ей не поможет — все с болезнью мамы летело в тартарары. Ипотека, долги знакомым, все то, что копилось и тянуло Надю на самое дно. Она понимала, что уже очень скоро квартиру, двухкомнатную, новую, которую они с мамой успели даже отремонтировать (мама работала бухгалтером в приличной конторе, занимающейся продажей бытовой техники, и хорошо зарабатывала), ей придется вернуть банку за долги. Она даже срывала объявления о сдаче комнаты,

все искала поближе к музыкальной школе, чтобы не тратиться на автобус или такси. Мама умирала, Надя залезала в долги, чтобы оплачивать лечение, и дошла уже до того, что не могла смотреть в глаза всем тем, кому задолжала. Долги просто душили ее. Понимали ли ее знакомые, что она никогда не сможет вернуть им деньги? Кто-то понимал, но все еще надеялся, а кто-то, кто не знал про ипотеку, полагал, что она продаст квартиру и расплатится со всеми сполна.

Оставалась еще одна золотая вещь — подвеска в форме ромба с большим рубином в центре, любимое мамино украшение, доставшееся ей еще от ее матери, от Надиной бабушки, которой не стало восемь лет тому назад. Деньги от продажи ее маленькой квартирке и положили начало квартирной эпопеи, ипотеки...

— А... Наденька. — Семен Михайлович, увидев ее в дверях своей конторки, даже поднялся, оторвав взгляд от экрана компьютера. Может, он играл в игру, а может, смотрел фильм, подумала Надя, приближаясь к прилавку. — Приветствую вас. Как дела? Пришли выкупить золото?

— А что, оно еще цело? Не продали?

— Да я и не собирался продавать. Знал, что рано или поздно вы за ним вернетесь. Ну не может у такой красивой девушки не найтись кого-то, кто не позаботился бы о ней и не выкупил золото. Поэтому и придержал. Достать?

— Вы серьезно? — Она почувствовала, как губы ее задрожали. Что это было? Он издевался над

ней или искренне полагал, что она пришла к нему, чтобы вернуть себе золото?

Мысленно, направляясь сюда, она уже рассталась с рубиновой подвеской и жила в съемной комнате в каком-нибудь старом бараке на самой окраине города, поедая пустые макароны.

— Вполне!

Он вышел из-за прилавка и, пощипывая пальцами свой чисто выбритый подбородок, — этакий кривоногий, в темной одежде, источающей запах нафталина, человек, — разглядывал ее, словно собираясь произвести оценку ее самой. Интересно, подумала она, чувствуя, что слезы уже совсем близко, во сколько он оценит меня? Мои лицо, фигуру?

— У меня мама умерла, послезавтра сорок дней, мне нужны деньги на поминки, — сказала она каким-то не своим, хриплым голосом. — Вот, посмотрите.

Она достала кошелек, где в отделении для мелочи лежала, вжавшись в самый угол, словно не желая, чтобы ее заметили, подвеска.

Умереть, что ли? Исчезнуть, чтобы не было уже так стыдно...

Скупщик подошел к ней совсем близко, еще немного — и он протянет руку, чтобы ощупать, наверно, ее или куснуть, пробуя на ценность, настоящая ли она. Может, еще и лупу возьмет, чтобы рассмотреть ее кожу, волосы, зубы?

Она содрогнулась, когда представила себе это. И с горькой усмешкой вспомнила своего недавнего возлюбленного, Мишку Коротаева, который,

оценив масштаб ее долгов, бросил ее, беременную, переметнувшись к ее подруге, Розке, сильно поднявшейся буквально за пару лет на норковых шубах, которыми торговала в павильоне на рынке. История о предательстве самых близких людей, которая уже набила оскомину по многочисленным сериалам. Что поделаться, если она повторяется время от времени и в реальной жизни? Хотя, может, это и есть жизнь. Розка была единственной ее близкой подругой и единственным человеком из ее окружения, к которому она не обратилась за помощью в трудную минуту. Если бы не история с Мишкой, Розка точно помогла бы ей, она не жадная.

О последствиях аборта у нее не было желания думать. Быть может, даже хорошо, если она останется бесплодной. Какие дети, когда она никогда не выкарабкается из долгов?

— Замуж за меня пойдешь? — вдруг услышала она и улыбнулась одними губами, словно только они и могли оценить степень черного юмора и цинизма скупщика.

— Вы серьезно? — повторила она свой вопрос, прозвучавший снова в саркастической манере. Нашел время для шуток! И это после того, как она сообщила ему о смерти матери. — Это вы так шутите, чтобы уж окончательно доконать...

— Я вполне серьезно, — произнес Семен Михайлович, начиная какое-то странное кружение вокруг нее. Рассматривает, гад. — Все про тебя знаю... — Он уже шипел ей в спину. — Все-все. И про долги твои большие знаю. И готов все по-

крыть, будешь в золоте ходить. Шубу куплю соболиную. Твоя подружка-стерва от зависти подохнет на своей норке. Дом куплю на озере, я уже присмотрел. Там одна ванная комната двадцать квадратов.

Он снова возник перед ней и смотрел теперь на нее слегка снизу вверх, лаская ее взглядом. Он как-то изменился буквально за те несколько минут, что мнил себя ее женихом, а может, уже и мужем. Она видела теперь уже не того скупщика, которого не замечала как человека, а мужчину, скорее всего, одинокого и несчастного. Если он все про нее знает, значит, интересовался, справки наводил, думал о ней. Мечтал. Мысленно уже сделал ее своей женой. Неужели влюбился?

— Миньковым самый твой большой долг отдам, Потаповой Людке, Захаровым, соседке все верну до копейки, чтобы ты могла ей в глаза смотреть. Квартира твоя тебе останется — все заплачу, квартирантов тудапустишь, все деньги твои будут, на помаду. Соглашайся. Я не зверь какой. Я ласковый и заботливый. Домработницу найдем, я уже присмотрел, ее Александрой зовут, ее мать у меня двадцать лет отработала, Сашка работающая и воровать не будет. В Париж тебя отвезу, куда хочешь! Деньги есть, на несколько жизней хватит. Сына мне родишь или дочку.

Золото, шуба, Париж... Сцена из дешевой мелодрамы. Надя расхохоталась, и ее хохот перешел в истерический плач. Она и сама не ожидала от се-

бя такой реакции. Семен Михайлович усадил ее на стул, принес воды.

— Ты чего это? От радости, что ли?

Зубы стучали о край чашки с водой. Голова кружилась.

— Семен Михайлович, вы на самом деле предполагаете, что я соглашусь?

— А у тебя выхода нет. Вот просто нет — и все! А если согласишься, я прямо сейчас дам тебе денег, и ты купишь все к поминкам. Даже красную рыбу. Помянешь Антонину Петровну по-царски. Пусть все удивятся и порадуются за тебя, что ты снова при деньгах и у тебя все хорошо. А заодно успокоятся. Ты пойми, все вокруг сразу станут тебя уважать, и не то что здороваться, будут звонить тебе и спрашивать, как ты, что ты, в гости будут звать, на юбилей, в надежде, что ты придешь с ценным подарком. Они такие — люди. Это сейчас от тебя все отвернулись и наблюдают за тобой со стороны, ожидая развязки. Никто не знает, как ты закончишь. Или, наоборот, как выкарабкаешься из ситуации. И руки тебе уже никто не подаст. Ты для них — ноль, ничтожество. Они презирают тебя. Ты меня слушай, я много подобных историй знаю. И не такие люди ломались. Ты не смотри на эти побрякушки, что у меня здесь, на витрине. Люди мне брильянты приносят, ценные бумаги, разве что почку свою не могут мне продать... Жизнь — она сложная, и не каждой девушке вроде тебя может кто-то предложить то, что предлагаю тебе я.

— Но... Я не...

— И про аборт твой от Коротаева знаю.

У нее от услышанного живот заболел. Словно внутри провернули нож. Как тогда, после операции, когда отошел наркоз.

— И часто вы своим клиенткам предлагаете брак? — Она уже не знала что говорить и как себя вести. То ли обижаться на него и дать пощечину, то ли благодарить уже хотя бы за то, что он хочет ей помочь. Реально.

— Второй раз.

— И кто же был тогда, в первый раз?

— Моя жена. Но это было тридцать лет тому назад. Она умерла в прошлом году. Вот так.

— Извините... И что же теперь делать?

Этот вопрос она должна была задать прежде всего себе, и уж никак не собиралась его озвучивать. Но слова сами вырвались, словно в подтверждение ее слабости, растерянности и, чего уж там, колебаний. Она колебалась, и он это почувствовал.

— Соглашайся, Наденька. Ты ничего не потеряешь. Да, я не молод и не красив, зато богат. И где гарантия, что, встретив молодого красавца, ты на следующий день не повесишься от отчаяния, что и он тебя предал?

Да, такое могло случиться. Она не разбиралась в людях, ей и мама об этом постоянно твердила. И все потому, что в их семье никогда не лгали, что ее просто хорошо воспитали, а поэтому она в каждом новом человеке видела прежде всего все хорошее. И только когда ее обманывали, уже откровенно, глядя бесстыжими глазами в ее честные глаза,

она понимала, что ошиблась в очередной раз. По словам мамы, она просто притягивала к себе пройдох и мошенников. Но если раньше рядом всегда была мама, а потому ей не так страшно было переживать все свои обиды и разочарования, то теперь, когда ее не стало и когда она осталась совсем одна, с грузом долгов и проблем на плечах, как жить? На кого надеяться?

— Зачем вам этот брак?

Вопросов было много. И таких, как она, безденежных молодых девушек, которые закладывали, вернее, даже продавали ему последнее золото, чтобы элементарно прокормиться, было немало в городе. Так почему она? Почему?

— Я влюблен в вас, — проговорил, обращаясь к ней уже на «вы», этот синегубый карлик, этот волшебник, единственный в ее жизни человек, который реально мог решить ее проблемы.

Разве такой человек, алчный и бессердечный, может вообще любить?

— И давно? — Она тянула время, чтобы понять, можно ему верить или нет.

— С тех самых пор, как увидел вас однажды в театре, куда вы приходили со своей матерью. На вас еще тогда было красное платье с черной кружевной шалью.

Надя остолбенела. Оказывается, он еще и в театр ходит!

Театр в городе был один, вернее, даже не театр, а так называемый клуб молодежи, куда время от времени со спектаклями приезжала труппа Ека-

теринбургского драмтеатра. И да, действительно они с мамой старались не пропускать ни одного спектакля. И платье красное с черной шалью у нее имелось.

— Я понимаю, вам сейчас трудно и нужно подумать. Даю вам полчаса. Вы можете прогуляться по парку, поразмышлять. Но потом возвращайтесь, все равно у вас нет другого выхода. Вы же не собираетесь сбежать из города. Вы не такой человек. Не так воспитаны. А потому вам все равно придется распрощаться со своей квартирой, и лучшее, что вы можете потом сделать, это снять комнату в квартире с какой-нибудь бабушкой, которая будет вас раздражать и которую вы вскоре возненавидите. Вам противно будет пользоваться ее ржавой ванной и унитазом, вы будете воротить нос от ее запахов, от ее кастрюль с месивом вместо нормального супа, а потом бабушка впадет в маразм и будет требовать у вас квартплату чуть ли не каждый день по причине своего склероза и слабоумия. Вам все это надо? Подумайте хорошенько и вспомните вашу маму. Вот она точно уговорила бы вас на этот брак. Я — человек достойный и никогда не обижу вас, я знаю, как сделать вас счастливой.

А может, это сон? Она незаметно ущипнула себя за бедро. Да нет, не сон. Вот он, стоит перед ней и предлагает ей новую жизнь.

— Повторяю, подумайте о вашей матушке, такую ли судьбу она вам желала? Вы думаете, что она страдала, умирая, только физически? Нет, моя до-

рогая Наденька, умирая, она думала о вас, о том, что ее болезнь разорила вашу семью окончательно, и понимала, что вам, без ее помощи, не выплатить ипотеку. Ведь это она зарабатывала деньги, не вы. И вот теперь там, на небесах, она смотрит на нас и волнуется, переживает и просто умоляет вас согласиться выйти за меня. Она была здравомыслящей женщиной и понимала, что деньги играют в жизни не последнюю роль.

Надя представила себе маму, сидящую на облаке и смотрящую вниз, на нее, в растерянности стоящую перед Семеном Михайловичем, обещавшим ей золотые горы, и ей стало совсем уж нехорошо. Но он был прав, она действительно страдала, понимая, что все те деньги, которыми Надя расплачивалась в больнице, она занимала. И что теперь все их планы рушились прямо на глазах. Планы на хорошую жизнь в новой квартире, на путешествия, на новые наряды. Она так хотела видеть свою дочь счастливой и ни в чем не нуждающейся! И как радовалась, когда начала хорошо зарабатывать! Как же несправедливо устроена эта самая жизнь!

Что самое страшное и неудобное ждет ее в браке с этим скупщиком? Он целыми днями так и будет сидеть в этой своей каморке под лестницей, загребая золото. И возвращаться будет лишь вечером. Домработница будет готовить и убираться, а она, Надя, будет принадлежать целый день себе. Даже ужин с ним она сможет еще как-то вынести. Значит — ночь? Спать с ним в одной постели, тер-